

Примечания

¹ Лосев А.Ф. Миф – развёрнутое магическое имя // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С.218.

² Там же. С.220.

³ Там же. С.220–221.

⁴ Там же. С.221.

⁵ Там же. С.222.

⁶ Гоготшивили Л.А. Коммуникативная версия исихазма // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С.877.

⁷ Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск, 2005. С.38.

⁸ Там же. С.195.

⁹ Бибихин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Вейтраге» // Вопр. филос. 2005. № 4. С.114–115.

¹⁰ Хайдеггер М. Очерки философии. О Событии. Часть 7. Последний Бог // Историко-философский ежегодник. М., 2002. С.437.

¹¹ Там же. С.432–433.

¹² Там же. С.440.

¹³ Там же. С.441.

УДК 1(091)

НЕМЕЦКИЙ АКЦЕНТ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Л.Б. Черноскутова

Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики
E-mail: che-larissa@yandex.ru

Статья посвящена изучению развития историографии русской философии как научной дисциплины. Здесь рассматриваются две противоположные исследовательские точки зрения на характер русской философии: европоцентристская и самобытная. В статье указывается, каким образом европоцентристская традиция стала ведущей парадигмой в момент формирования историографии русской философии.

Ключевые слова: историография, источниковедение, русская философия, самобытная парадигма.

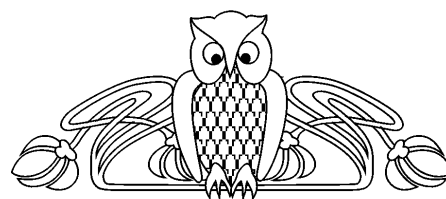
German Pronunciation of the Historiography of Russian Philosophy

L.B. Chernoskutova

This article is devoted to the analysis of development of such scientific discipline as the historiography of Russian philosophy. The text compares two contrary points of view to the character of Russian philosophy: the loan-word one and the original one. The article points out how the loan-word paradigm of the historiography received the preference to the original paradigm in the first period of the historiography's development.

Key words: historiography, source study, Russian philosophy, original paradigm.

Историографии русской философии свойственно то, что, зародившись еще в 40-х гг. XIX в., в момент издания учебника архимандрита Гавриила по истории философии, она только в конце столетия приобрела черты научной дисциплины. В данный период определились два различных направления исследования отечественной истории фило-

софии: «самобытное» и «заимствованное». Различия проявились прежде всего в отношении к древнерусской философии и к определению момента её возникновения, а также в характеристике её сущности. Необходимо сразу отметить, что преобладающим направлением было «заимствованное», представлявшее ведущую научную точку зрения, которая утверждала, что, *во-первых*, русская философия возникла не ранее XVII в. и сформировалась как относительно самостоятельная дисциплина к XIX в., и, *во-вторых*, носила заимствованный, подражательный, «европоцентристский» характер. По методологическим установкам этот период можно назвать «отрицающим».

Импульсом «заимствованного» направления послужила вышедшая в 1890 г. в Санкт-Петербурге книга Ф. Ибервега и М. Гейнце «История новой философии в сжатом очерке», переведённая с седьмого немецкого издания Я. Колубовским (2-е изд. – 1898). Без преувеличения можно сказать, что эта книга (вернее, ее последующая интерпретация) сыграла трагическую роль в судьбе отечественной историографии, так как отрицание значения древнерусской мысли, свойственное «заимствованному» направлению, тор-

мозило ее последующее развитие. Состоит она из четырех разделов, посвященных средневековой, новой, новейшей и современной для авторов философии. Параграф № 52 в четвертом отделе называется «Философия у русских» и, как говорится в предисловии переводчика, написан специально для этого издания. Как уже отмечалось, данный параграф размещен в разделе «Философия современная», поэтому он подробно описывает состояние русской философии XIX в., очень кратко характеризуя её предыдущую историю следующими положениями: старинные русские книжники знали о философии только понаслышке, находясь под духовным влиянием греков, а в более поздний период любая образованность стала восприниматься негативно. «Передовыми умами овладевает какая-то боязнь мысли. Святоши допетровской Руси стали видеть не только в философии, но и в знании вообще подрыв православия»¹. Поэтому возникновение русской философии авторы книги датируют концом XVI в. и связывают его с той политической и идеологической борьбой, «которую деятели юго-западной Руси вели с врагами веры и народности <...> Так в киево-могилянской коллегии, впоследствии преобразованной в академию, появилась схоластика»². Киевскими учёными была написана «Ифика иерополистика», которая авторами данного исследования характеризуется как первая русская философская книга (указываются два её издания – киевское, 1712 г., и четвертое – в Санкт-Петербурге в 1764 г.). В дальнейшем, после петровских реформ, «русская наука идёт по стопам западноевропейской, и не удивительно, если и философия не составляет исключения из этого правила»³.

Авторы характеризуют русскую философию как развивающуюся в русле европейской и, в большей или меньшей степени, испытывающую на себе различные влияния. Сначала, с открытием Московского университета, утверждается вольфианство, в это же время выступают «дилетанты философии» (В. Золотницкий и Я. Козельский). Особо охарактеризованы «Философические предложения» Я. Козельского (СПб., 1768): «Это первая русская система философии. В теоре-

тической философии Козельский следует Баумейстеру, а в практической – Монтеスキё, Гельвецию и особенно Руссо»⁴. Очень значительным признаётся французское влияние. «Французомания сказалась и на философии. Вольтер, Руссо, Гельвеций и др. были предметами какого-то культа <...> Гораздо прочнее и даже плодотворнее оказалось мистическое направление, которому не чужды и многие писатели допетровской Руси, как Нил Сорский и др. Около половины XVIII в. в Россию заносится мартинизм и масонство...»⁵. Отметив время, место и причины появления русской философии, первую философскую книгу, первую русскую систему философии, авторы называют и «первого» русского философа: «Совершенно в стороне от этих течений стоял мистик Сковорода, которого можно считать первым русским философом в настоящем смысле этого слова»⁶. Увлекательно рассказано в этой книге о влиянии Канта, о русских последователях Шеллинга и Гегеля. Отмечается, что именно на них воспиталась историко-философская школа славянофилов, и что «бурные» шестидесятые ознаменованы появлением материализма, говорится о русском позитивизме и его противниках, о духовной философии, о представителях логики и психологии. Таким образом, русская философия представлена как искусная, красочная мозаичная картина, тщательно изготовленная русскими художниками из готовых западноевропейских деталей.

Важно отметить, что это взгляд со стороны, а Ибервег и Гейнце, авторы «*Grundriss der Geschichte der Philosophie*», переведённой на русский язык Я. Колубовским, увидели, что русская философия, при всех её особенностях, является частью европейской и всегда развивалась в неразрывной связи с ней. Эти идеи прочно утвердились в историографии, получая различные толкования. Однако надо четко обозначить тот факт, что эти авторы не характеризовали русскую философию как заимствованную и не отрицали существования древнерусского любомудрия, чего нельзя сказать об их последователях. Поиски «начала» русской философии были неразрывно связаны с тем, как исследователи

решали вопрос о закономерностях её развития и проблему заимствованного характера. Оказалось, что интеллектуальный авторитет европейцев сильно повлиял не только на русскую философию, но и её историографию. Отечественные историографы не просто воспроизводили основные идеи Ибервега и Гейнце, но и игнорировали достижения предыдущего периода. Не создав такой тщательно продуманной методологии историко-философского исследования, как архимандрит Гавриил, они категорично исключали из сферы научного исследования допетровский период и отрицали самостоятельность русской мысли. Анализируя творчество представителей «заимствованного» направления, можно отметить общность основных методологических установок.

Ярким событием в формировании историографической традиции стало выступление А.И. Введенского на первом заседании Петербургского философского общества в 1898 г., опубликованное тогда же. А.И. Введенский утверждал, что хотя философия в России и заимствованная, но все же она не является искусственным насаждением, а развивается, несмотря на различные препятствия, в результате глубокой внутренней потребности и впоследствии должна достичь такой же силы влияния, какую она имеет в наиболее культурных странах. С точки зрения этого историографа, только в современный (для него) период русская философия наконец-то достигла такой ступени развития, когда она может принести плоды одновременно и самобытные, и значимые для всей мировой культуры. Как показала история, надежды А.И. Введенского вполне оправдались, и период конца XIX – начала XX в. оказался очень плодотворным. Введенский парадоксален в оценке русской философии: определив время ее возникновения (1755 г. – открытие Московского университета) и насчитав три периода (подготовительный, господства германского идеализма и вторичного развития), он всё же не признаёт за ней значительных достижений и считает, что именно в будущем она должна достичь результатов.

Можно выделить характерную черту историографии русской философии конца XIX

– начала XX в. – стремление исследовать состояние своего предмета в настоящем или в ближайшем прошлом, избегая углубляться в более ранний период. Из-за недооценки допетровского периода возникает некоторая закрытость, неопределённость, неясность исторической перспективы, которая оказывается уже чем-то вроде методологической предпосылки для формирования историографических концепций начала XX в. Это подтверждают другие представители данного направления – Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет, Б.В. Яковенко, М.Н. Ершов. «Отрицающий» период обращён ко времени с XVIII по начало XX в., причем преобладала точка зрения заимствованного характера русской философии, в которой самобытность еще должна проявиться. Если проанализировать другие монографии этого времени, то данную особенность можно проследить и в них, хотя их авторы придерживались различных методологических принципов и научных убеждений. Так, церковный историк А. Никольский в своей работе «Русская духовно-академическая философия, как предшественница славянофильства и университетской философии в России» посвятил большую ее часть первой половине XIX в., доказывая в противовес не уделившему духовному образованию должного внимания А.И. Введенскому, что развитие русской философии данного периода определяли такие теисты, как Ф. Сидонский, В. Карпов, Ф. Голубинский, О. Новицкий, С. Гогоцкий, П. Юркевич⁸. Представители народнического направления в историографии также обращались к близкому им XIX веку. Например, Р.И. Иванов-Разумник в своей двухтомной книге «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.», применяя метод «имманентного субъективизма» в духе субъективной социологии Н.К. Михайловского, объяснял развитие отечественной философии как историю борьбы за индивидуальность между интеллигенцией и мещанством⁹. В данной работе характерной чертой русской философии также признается ее этико-социальная направленность.

Другой народник, М.М. Филиппов, в свой сборник «Судьбы русской философии»

включил статьи, опубликованные им в конце 1890-х гг. в журналах «Научное обозрение» и «Русское богатство»¹⁰. Проанализировав русскую философию первой половины XIX в., М.М. Филиппов пришел к выводу о последовательном влиянии на нее со стороны английского эмпиризма и немецкого идеализма, причем особую роль сыграли шеллингианство и масонство, так как дух этих учений – сочетание просветительских идей с пренебрежением к эмпирической науке. Самостоятельный характер русской философии реализовался в творчестве В.Г. Белинского (эволюции его философских взглядов автор уделил особое внимание), А.И. Герцена, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, в борьбе западничества и славянофильства. Хотя, с точки зрения М.М. Филиппова, преобладание религиозно-философских тенденций в 80–90-х гг. XIX в. и сковывает развитие русской философии, распространение марксизма дает надежду на дальнейший прогресс.

К современным тогда проблемам отечественной философии обращался также С.О. Грузенберг, автор книги «Очерки современной русской философии. Опыт характеристики современных тенденций русской философии»¹¹. Не исследуя истоки и эволюцию предмета, он лишь кратко характеризовал неблагоприятные условия для его развития. С.О. Грузенберг, анализируя русскую философию, видел в ней актуальные тенденции, непосредственно связанные с наукой или решающие какие-либо научные вопросы, при этом он оставлял в стороне течения, затрагивающие этические, религиозные и социальные проблемы, что являлось не совсем обычной практикой для историографических исследований данного периода.

Параллельно наметилась другая тенденция, «самобытная», в которой утверждалось, как и у архимандрита Гавриила, что существует многовековая историческая традиция русской философии. Данные идеи развивались М.В. Безобразовой, получившей в 1891 г. степень доктора философии Бернского университета за диссертацию «Рукописные материалы к истории философии в России», в которой были изложены результаты её изысканий в Чудовом монастыре, Санкт-

Петербургской, Московской и Киевской духовных академиях, а также рукописных отделах Румянцевского отдела Публичной библиотеки. Зарождение философского сознания М.В. Безобразова так же, как и архимандрит Гавриил, связывает с христианизацией Руси. Выделяя три периода в развитии русской философии (первый – с X по первую половину XVI в., второй – со второй половины XVI до конца XVIII, третий – с конца XVIII до конца XIX в.), в своей диссертации она в основном исследует первый период. Как и Гавриил, она считает, что древнерусская философия получила импульс для своего развития от болгарского экзарха Иоанна, который своими переводами византийских философских трактатов сформировал славянский философский язык, многие термины которого продолжали употребляться в русском языке ещё и в XIX в. Анализируя такие источники, как «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского и его же перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина, «Диоптра» Филиппа Пустынника в списках XIV–XVII вв., «Пчела» в списках XIV–XVIII вв., «Псевдо-Дионисий Ареопагит», «Монастырский устав» Нила Сорского, «Очерк психологии» XVII в., «Великое искусство» Раймонда Луллия, «Тайная тайных мудрого Аристотеля» (6 списков XVI–XVIII вв.), «Этические высказывания» XVIII в., «О языке» XVIII в., «О нравственности» XVIII в., «Правила нравственности» XIX в. и другие, М.В. Безобразова сформулировала общие тенденции, характерные для русской философии: с одной стороны, мистицизм, проявившийся в аскетических течениях Древней Руси, масонстве XVIII в. и теософии конца XIX в.; с другой стороны, склонность к материализму, выразившаяся в мощном влиянии на русскую мысль энциклопедистов в XVIII в. и Бюхнера и Молешотта в XIX в. Общность этих тенденций в том, что они обращены к этическим проблемам, и именно в этом и заключается своеобразие, оригинальность русской философии. «Если нам удалось показать обилие этического материала и склонность к мистицизму и материализму, а также интерес, который издавна имелся в России к философии, то наша цель достигнута»¹².

Таким образом, исследуя дореволюционную историографию русской философии, можно отметить некоторые характерные ее черты. Во-первых, проявилась определенная несогласованность мнений по вопросу о «начале» русской философии и соответственно о самобытном или заимствованном ее характере. Сторонники заимствованной философии – В.В. Чуйко, А.И. Введенский, Э.Л. Радлов – относили ее зарождение к XVI–XVIII вв. и рассматривали этапы ее формирования как различные западноевропейские влияния, причем воспринятые своеобразно и с определенными интерпретациями. История русской философии выглядит в данном случае как трудное обучение, осложненное внутренними условиями, и подлинное раскрытие ее возможностей осуществляется в ближайшем прошлом и настоящем, куда и оказывается направленным внимание большинства исследователей, возлагающих надежды на оригинальное развитие своего предмета в будущем. Парадоксальность этой точки зрения в том, что она занимается прогнозами, в то время как задачей исторической науки всегда была обращенность к прошлому, которая в данном случае так невелика, что не дает представления об историко-философской традиции. Характерно, что эта тенденция в историографии сама является заимствованной и ведет свое начало от работы Ф. Ибервега и М. Гейнце «История новой философии в сжатом очерке». Историческую же перспективу, которая охватывает средневековый период, показывают сторонники другой точки зрения, представленной меньшим количеством работ и утверждающей самобытность русской философии, – архимандрит Гавриил (В.Н. Воскресенский) и М.В. Безобразова. Зарождение философского мышления и, соответственно, начало отечественной философии в их работах отнесено ко времени Древней Руси, практически, с момента принятия христианства. По мнению Гавриила, любая национальная философия отражает характер народа, является выражением его духовного творчества, поэтому она не может не быть оригинальной, и заимствования не происходят чисто механически, так как чужие идеи прививаются там, где нахо-

дят живой отклик, соответствующую для них почву. Это гармонизирует внешние и внутренние источники формирования русской философии и позволяет бережно относиться ко всем ее проявлениям, изучая древнерусских авторов наравне с представителями университетской философии.

Во-вторых, в историографии дореволюционного периода, как и в дальнейшем, развитие происходит под влиянием нескольких тенденций. С одной стороны, это появление новых персон или более тщательное изучение ранее недостаточно изученных, с другой же – устойчивая склонность к преемственности методологических концепций, к формированию традиции. Например, очень четко проявилось направление, связанное с работами Ф. Ибервега – М. Гейнце, А.И. Введенского, Э.Л. Радлова, оно получило свое развитие в вышедших сразу после революции исследованиях Г.Г. Шпета, М.Н. Ершова, Б.В. Яковенко («Очерк истории русской философии» Э.Л. Радлова также переиздавался в 1920 г.).

В-третьих, особенностью историографии дореволюционного периода можно назвать то противоречие, которое в будущем приведет к расколу общества и в последующие десятилетия будет представлено официальным «основным вопросом философии». Очевидны различия между народнической тенденцией в историографии (М.М. Филиппов, Р.И. Иванов-Разумник), предпочитающей философов революционных взглядов, и тенденцией, положительно настроенной по отношению к идеализму. В данный период уже видна разобщенность, которая проявится в советской и эмигрантской историографических традициях.

Новая эпоха принесла новые задачи, вслед за политическими изменениями происходят изменения в культурной жизни, в отечественной науке появляются новые методологические установки, а историография русской философии географически и идеологически оказывается разделенной на советскую и эмигрантскую.

Заканчивая рассмотрение данного периода развития историографии русской философии, можно определить тенденцию,

свойственную ей: *каждый следующий период недооценивает или даже отвергает основные идеи и методологические установки предыдущего*. Таким образом, развитию до-революционной историографии русской философии свойственен скорее прерывистый, чем традиционалистский характер.

Примечания

¹ Ибервег Ф., Гейнце М. История новой философии в сжатом очерке. СПб., 1898, С.530.

² Там же. С.529–530.

³ Там же. С.529.

⁴ Там же. С.531.

⁵ Там же. С.531.

⁶ Там же. С.532.

⁷ См.: Введенский А.И. Судьбы философии в России. М., 1898.

⁸ См.: Вера и разум. Харьков, 1907. № 2–5, 9.

⁹ См.: Иванов-Разумник Р.И. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.: В 2 т. СПб., 1907.

¹⁰ См.: Филиппов М.М. Судьбы русской философии. СПб., 1904.

¹¹ См.: Грузенберг С.О. Очерки современной русской философии. Опыт характеристики современных тенденций русской философии. СПб, 1911.

¹² Безобразова М.В. Рукописные материалы к истории философии в России // Ванчугов В. Женщины в философии. М., 1996. С.290. Философская деятельность М.В. Безобразовой была очень активна. Это и издание собственных работ – «Философские этюды» (М., 1892), «Заметка о Диоптре» (СПб., 1893), «Краткий обзор существенных моментов истории философии» (М., 1894), «Публичные лекции» (М., 1901).